

ПОЗВОЛЬТЕ ВОЗРАЗИТЬ

В «Советской культуре» от 17 марта с. г. опубликована беседа Петра Кузьменко с художником Евгением Амаспюром — «Там, где жил Воланд». Обсуждается будущее музея Михаила Афанасьевича Булгакова в доме на Большой Садовой. Мы полностью присоединяемся к мнению, что музей необходим, что ему должна быть отдана не только мемориальная квартира, но целая секция дома. И отнюдь не только для экспозиции, а для хранилищ реликвий, документов, для развертывания научной и выставочной работы.

Разговор о судьбе музея, его облике нам не кажется преждевременным: тема эта волнует всех, кто почитает личность и творчество Булгакова, кто хочет увековечить его «присутствие» в Москве, создать место общения с ним.

Но вот что насторожило. Собеседников — П. Кузьменко и Е. Амаспюра — увлекает лишь одна сторона дела — будущая экспозиция, образ которой уже формируется в сознании художника, «чья широта взглядов и «авангардность» художественных вкусов очевидны» (здесь и далее цитируем по тексту статьи).

был не так густо насыщен реальными документами и предметами, он больше располагал к внутреннему общению с поэтом». Да не общению с поэтом мешает ряд подлинников, а общению с Е. Амаспюром, который наивно убежден, что все понял и постиг.

Смелость и новаторство художника не подлежат сомнению, а результат теперь перед нами. Выломана внутренность дома, в котором жил Маяковский. Бедная «комната-лодочка», где оборвался последний вздох поэта, как ласточкино гнездо, прилепилась где-то под крышей бывшего жилого дома.

ТАМ ЖИЛ БУЛГАКОВ

Нас же раньше и прежде всего волнует то, что делает музей музеем: возможность представить во всей полноте коллекцию, собрание подлинных предметов и документов. И в этом мы решительно расходимся с позицией Е. Амаспюра, который говорит: «Я уверен, что литературный музей может обойтись без единого экспоната в общепринятом понимании».

Едва ли не половину публикации составляют ссылки на новую экспозицию Государственного музея В. Маяковского на Лубянке. И тут мы находимся в весьма деликатном положении: профессиональная солидарность заставляет нас бережно отнестись к новой работе наших товарищей. Но если теперь этот опыт грозит быть перенесенным на будущий музей Булгакова, хранить молчание было бы неправильно. Воздержимся от оценок «хорошо» или «плохо». Постараемся лишь понять, что представляет собой работа Е. Амаспюра (автор художественного проекта экспозиции музея Маяковского) и насколько его «новый принцип... перспективен и таит в себе множество еще не использованных возможностей».

Нет такого значительного писателя, жизнь и творчество которого не находили бы отражения в изобразительном искусстве: скульптуре, живописи, графике и т. д. Музеи, старательно собирая эти «отражения», представляют их тем не менее не в документальной экспозиции, а на выставках. Потому что, как бы хороши они ни были, это все равно субъективное видение художника, которое не может претендовать на истину.

Конечно, единственным источником постижения литературного наследия и судьбы писателя являются его произведения, и никакой музей никогда не заменит собственно чтения. Но он дает тот документальный зрительный ряд, который способен существовать и дополнить прочитанное уникальными свидетельствами. Искусство художника-экспозиционера и состоит в том, чтобы выявить этот ряд, одновременно тактично и ненавязчиво создав атмосферу «времени», в котором формировалась личность писателя. Художник в экспозиции создает памятник ему, а не себе. Он, если угодно, жертвует своим собственным художественным видением ради более высокой цели — той правды, которую несут в себе музейные материалы и мемориа.

Что же представляет собой нынешняя экспозиция Музея Маяковского? Коротко говоря, это музей Е. Амаспюра. Это субъективная иллюстрация к теме жизни и творчества поэта в присущем художнику авангардистском стиле. Иллюстрация эта исполнена не на бумаге, не на холсте, не в виде скульптуры, а в виде многоэтажной пластической композиции из металлических швеллеров, железобетона и бесконечного количества бутфорки самого разного толка. А документальный ряд оказывается здесь ненужным и жалким «довеском» к грандиозному зрелищу. П. Кузьменко открыто об этом и говорит: «Когда Музей Маяковского только готовился к открытию и

Вместо лестницы, по которой поднимался Маяковский, вместо быта коммуналки, вместо всего, что исторически правдиво говорило о поэте, все наполнилось поражающей, но далеко не убеждающей композицией Е. Амаспюра.

Правомерно ли создание подобных объемных иллюстраций? А почему бы и нет? Почему бы художнику, десяткам художников и не создавать их в металле, бетоне и бутфорки? Были бы государственные деньги. Были бы архитектурные объемы. Ради бога — экспериментируйте, пробуйте, но только — не на мемориальных объектах! Но только без претензий на звание музея! В том же Музее Маяковского хранятся сотни иллюстраций на темы жизни и творчества писателя. Пусть была бы и еще одна в виде объемной фантазии Е. Амаспюра, представленная в отдельном здании или помещении...

Нет, новая экспозиция отнюдь не «переворачивает» все наши традиционные представления о литературных музеях и музейном деле вообще. Отнюдь нет! Если это и является событием, то только в области дизайна, а не в экспозиционном музейном искусстве.

Судя по тому, что Е. Амаспюр уже мечтает «в первую очередь о строителях... специалистах по металлу, стеклу, бетону», в будущем музее Булгакова он также намерен сломать все, что только можно, а в освободившемся пространстве построить собственное произведение под девизом «Там, где жил Воланд».

Тонкая, чуждая аффектации личность Михаила Булгакова отнюдь не адекватна придуманной им дьяволиаде. И не надо сатиру, сотворенную писателем, смешивать с его личностью. И написал Булгаков не только «Мастера и Маргариту»... Мы, музейные работники, хотели бы видеть не дом, где жил Воланд, а дом, где жил Булгаков. Мы хотели бы увидеть и показать посетителям подлинные предметы и материалы, ставшие вехами в его биографии, а не произведение одного, пусть и самого смелого художника. Образ музея, думаем, должен родиться на конкурсной основе. По ряду обстоятельств, о которых сегодня речи не ведем, Музей Маяковского был лишен возможности такого выбора.

Е. Амаспюр — энтузиаст, человек, по-своему интересно чувствующий литературу, ей преданный. Но никакой музей не может и не должен зависеть от диктата, особенно в том случае, если художник не видит разницы между подлинником и бутфоркой, если не ставит себя на службу музею со всеми его принятыми во всем мире законами, а напротив — музей ставит на службу себе.

Если говорить о музейном деле, то опыты Е. Амаспюра интересны, и поучительны. Поучителен своей непродуктивностью. Но он все же полезен, как всякий, даже негативный опыт, который должен быть учтен при создании музея Булгакова, как, впрочем, и других музеев.

Н. ШАХАЛОВА,
А. КРЕЙН,
заслуженные работники культуры РСФСР.